

НОВОСТИ ИСКУССТВА

THE ART NEWSPAPER RUSSIA

Томас Каплан: «В коллекционировании искусства нет ничего особенно благородного»

Накануне открытия выставки работ из своего собрания «Эпоха Рембрандта и Вермеера. Шедевры Лейденской коллекции» американский коллекционер рассказал, почему не боится подделок, не посещает аукционы и не считает искусство предметом для инвестиций

ЕКАТЕРИНА ВАГНЕР
26 МАРТА 2018

Томас Каплан. Фото: Sueraya Shaheen / The Leiden Collection

Раньше вы выставляли свое собрание в собственной частной галерее, но потом закрыли ее и решили передавать работы в общественные музеи. Почему вы приняли такое решение?

Не совсем так. Открывая галерею, мы с моей женой Дафной сразу решили, что все картины в ней будут доступны музеям. Очень часто картины отправлялись в них, даже не успев повисеть ни дня в галерее — сразу от дилера или с аукциона, где мы их купили. Я помню, однажды пришел в Музей Гетти и увидел, как люди реагировали на одну из наших картин, «Портрет мальчика в плаще и тюрбане» Яна Ливенса. Именно тогда я осознал: самое важное, что мы можем сделать как коллекционеры, — это делиться искусством с людьми. Правда, сначала я не хотел, чтобы наше имя ассоциировалось с коллекционированием, поэтому мы давали картины музеям анонимно.

Почему?

Мы не хотели становиться частью арт-мира. Мы занимались общественными кампаниями, например защитой диких животных. Это важное дело. А в коллекционировании искусства, на мой взгляд, нет ничего особенно благородного. Я не говорю, что этого надо стыдиться, но в глубине души мы не хотели это афишировать.

Ян Ливенс (1607–1674).
«Портрет мальчика в плаще и тюрбане». 1631.
Фото: The Leiden Collection

Но сейчас вы изменили свое мнение?

Дело в том, что, собирая картины множества художников — Рембрандта и его школы, мы накапливали не только сами полотна, но и информацию об этих работах и их авторах. В какой-то момент перед нами встал выбор: просто делиться с публикой картинами или поделиться с ней и всеми этими знаниями — но тогда нам пришлось бы выйти из тени. Мы решили, что дать людям доступ к информации для нас все-таки важнее, чем сохранять анонимность. Ведь таким образом мы могли воздать должное художникам, которых любим, показав их историческую важность и актуальность в наше время. Мы решили составить каталог нашей коллекции и разместить в Интернете, чтобы им могли пользоваться студенты, преподаватели, кураторы, дилеры, сотрудники аукционных домов, коллекционеры. Изначально мы не собирались его печатать, потому что хотели, чтобы он был бесплатным и общедоступным. Но по иронии судьбы теперь у нас даже не один печатный каталог, а несколько. Когда была выставка нашей коллекции в Лувре, он захотел издать каталог, Национальный музей Китая тоже. Теперь на очереди ГМИИ им. Пушкина, Эрмитаж и Лувр — Абу-Даби, наверняка они тоже захотят. Оказалось, люди до сих пор покупают бумажные каталоги и пользуются ими. Что ж, если им это нужно, я не против. Кстати, в России мы покажем больше работ, чем в других музеях. В Лувре было 30 картин, в Китае — 60–65, а к вам мы привозим 82.

Почему вы решили сосредоточиться именно на Рембрандте и его школе?

У меня это настоящая страсть с очень раннего возраста, с шести-семи лет. Первое место, которое я посетил в Европе, был Амстердам — я попросил своих родителей отвезти меня туда, поскольку там жил Рембрандт. Главное в Рембрандте — это то, что он изменил все. Он порвал с классической традицией, с самой концепцией того, что такое красота и к чему должны стремиться художники. Он перевернул весь ход истории искусства. Ван Гог был одержим Рембрандтом, Делакруа тоже, Тернер говорил, что Рембрандт — величайший колорист всех времен. Пикассо был абсолютно помешан на нем, а также Фрэнсис Бэкон... Рембрандт до сих пор продолжает влиять на художников. Его картины — это импрессионизм и даже экспрессионизм за сотни лет до Моне. Андре Мальро говорил, что Рембрандт был первым художником, который трогает душу. Он был революционером. Намеренно или нет? Он просто был верен себе. Для меня он стоит в одном ряду с Шекспиром, Достоевским и Эйнштейном — личностями, которые вышли за рамки своего времени и своей национальной культуры и в конечном итоге изменили ход истории.

Менялась ли со временем концепция вашей коллекции?

Она развивалась поэтапно. Началось все с Лейденской школы, с первого ученика Рембрандта — Герарда Доу, затем мы перешли к другим ученикам, потом к другим городам Голландии, из Лейдена в Амстердам, затем мы начали коллекционировать картины художников делфтской школы, таких как Габриель Метсю и Ян Вермеер, а также утрехтской — к ней относится Герард Терборх. Мы стали прослеживать связи между художниками и показывать, как они влияли друг на друга, и так коллекция росла. Первой работой Рембрандта, которую мы приобрели, был рисунок с изображением львицы. Что до его живописи, то первой картиной была «Женщина в белом чепце». Я был в восторге, что мне удалось ее купить, и, если бы тогда кто-то сказал мне, что через 12 лет большинство картин Рембрандта, находящихся в частных руках, окажется у нас, я бы не поверил. В России мы покажем 12 из них. На самом деле, я считаю, нам безумно повезло: и что эти картины были в частных руках, и что люди согласились их продать. До того, как я начал собирать коллекцию, я и представить себе не мог, что картина Рембрандта может принадлежать частному лицу.

Томас Каплан и Лейденская коллекция.
Фото: Sueraya Shaheen / The Leiden Collection

Почему для вас так важно обладать ими, если вы отправляете картины в музей, иногда даже не успев на них взглянуть?

Боюсь, что в этом и состоит страсть коллекционирования. Сознание того, что вы приобрели шедевр, что вы связаны с художником, которого любите, — особое чувство. Это огромная радость. Но еще большая радость для нас — то, что мы можем выставить эти картины, вернуть их публике. Мы изымаем их из частных рук и выставляем на всеобщее обозрение. Для нас в этом и заключается смысл собирательства. Хотя я не судья другим коллекционерам, это их личное дело, как обращаться со своим собранием. Люди делают деньги, они хотят вкладывать их в искусство. Что ж, прекрасно!

В начале 2000-х годов, когда вы стали собирать коллекцию, покупать старых мастеров было не модно. Изменилось ли что-то сейчас?

Да, я думаю, они снова становятся модными. Люди все яснее осознают, что эти шедевры являются частью истории искусства. И что они очень редки! Известно всего 400 картин Рембрандта, при этом произведений Энди Уорхола насчитывается 70 тыс.! Есть только один Вермеер в частных руках, и он принадлежит нам. Есть только один Карел Фабрициус, великий ученик Рембрандта, по своей одаренности сравнимый с учителем, в частных руках, и он тоже принадлежит нам. При этом находятся люди, которые платят за работы Уорхола больше, чем я заплатил за Вермеера. Но это нормально, ведь они покупают то, что им нравится. Первое правило коллекционирования: покупайте то, что любите. Тогда вы не ошибетесь. Ведь в конце концов вы все равно умрете, и лучше наслаждаться тем, что вам нравится, пока вы живы. А если вы покупаете вещи, чтобы спекулировать ими, на этом пути всегда есть вероятность ошибки. Я бы не стал покупать искусство в качестве коммерческой инвестиции. Но у меня нет сомнений, что, если вы покупаете что-то, являющееся шедевром, частью цивилизации, вы всегда будете в выигрыше.

Многие опасаются покупать старое искусство, потому что боятся подделок. Как вы минимизируете этот риск?

Я слышал больше историй о подделках в современном искусстве, чем в наследии старых мастеров. Конечно, они существуют. Но я не думаю, что мы за все время купили хоть одну подделку. Бывало, что произведения, о которых говорили, что они были написаны одним художником, оказывались созданными другим, такое бывает, но эти изменения атрибуции были всегда в нашу пользу. Мы покупали картины школы Рембрандта, а потом оказывалось, что они написаны самим Рембрандтом! Гораздо легче подделать произведение XX–XXI веков, чем старых мастеров. В большинстве полотна мастеров прошлого

имеют долгую историю, причем документированную, они хорошо изучены. Если у вас есть сомнения по поводу той или иной работы, вы можете пойти к нескольким экспертам — дилерам, специалистам аукционных домов, выслушать их всех и принять правильное решение. Современное же искусство по определению не имеет провенанса. Скажу честно, несколько раз мне предлагали очень плохие картины, возможно, поддельные — но они действительно выглядели, как подделки! И причем, когда я говорю о подделках, я имею в виду картины, написанные сотни лет назад, но не тем художником, под именем которого они продавались.

Исак де Яудервилле (около 1612–1648).
«Портрет Рембрандта в восточном одеянии». Около 1631.
Фото: The Leiden Collection

С кем вы предпочитаете работать — с аукционами или дилерами?

Мне удобнее иметь дело с дилерами. Мы часто покупаем на аукционах, но и там почти всегда я действую через них. Сам процесс торгов меня не увлекает, мне все равно, сколько готовы заплатить за ту или иную работу другие люди. Для меня ее ценность не в этом. Только иногда, когда мне хочется понять, какое настроение в зале, я звоню дилеру и слушаю, как идут торги. Так было всего три или четыре раза.

Существует ли конкуренция между коллекционерами работ старых мастеров?

Она есть, но в целом это гораздо более джентльменский мир, чем другие сегменты арт-рынка. Иногда кто-то видит прекрасную картину и говорит мне: «Знаете, эта картина лучше впишется в вашу коллекцию. Она мне самому нравится, но, если вы хотите купить, я уступлю ее вам». Мне нравится эта система. Во мне не силен дух соревнования, я не люблю конкуренцию. Но если я действительно хочу что-то, я это получу! *(Смеется.)*

Каким образом? У вас есть какой-то особенный секрет успеха?

Одна из причин, почему мы с женой достигали успеха, — это отношения с дилерами и аукционными домами. Нам звонили первым, потому что знали, что мы быстро принимаем решения. Мы были крупнейшими клиентами, но не злоупотребляли этим. Я всегда говорил: «Позвоните мне первому. Если мне это понравится, я вам сразу скажу и переведу деньги уже на следующей неделе». Очень быстро все поняли, что для нас это не временная прихоть, что мы собираем коллекцию с очень четкой концепцией. Мы быстро становились друзьями и начинали доверять друг другу. За одним или двумя исключениями, самые приятные деловые отношения в моей жизни складывались в мире искусства. У меня было 250 сделок, связанных с искусством, и почти все из них я вспоминаю с удовольствием. Это необычно для любой другой сферы.

Покупали ли вы когда-нибудь картины, не видя их в реальности?

Да, много раз. Я знакомлюсь с их провенансом и всегда прошу кого-то, кому доверяю, пойти и посмотреть их вживую, чтобы убедиться, что их состояние хорошее и они представлены в каталоге верно. Очень часто я без всяких сомнений покупал картины, которые видел лишь на слайдах. Только в самом-самом начале я несколько раз покупал картины, которые в реальности выглядели просто смешно, в каталоге аукциона

они смотрелись гораздо лучше. Это происходило в тех случаях, когда я не видел их сам и не просил никого другого их посмотреть. И еще они всегда были дешевыми.

Как вы представляете себе будущее вашей коллекции?

Сейчас я думаю о том, что мы покажем ее в России, а потом в Абу-Даби. Далеко идущих планов у меня пока нет. Мне всего лишь 55, моя жена моложе. У нас будет еще достаточно времени подумать о том, как завершить нашу миссию.

Выставка «Эпоха Рембрандта и Вермеера. Шедевры Лейденской коллекции» пройдет в ГМИИ им. А.С.Пушкина с 28 марта по 22 июля 2018 года и в Эрмитаже с 5 сентября 2018 года по 13 января 2019 года.

“Thomas Kaplan: ‘There is Nothing Particularly Noble in Collecting Art’”

On the eve of the opening of his exhibition “The Age of Rembrandt and Vermeer: Masterpieces of The Leiden Collection,” the American collector talks about why he is not afraid of forgeries, avoids auctions, and does not consider collecting as an investment.

~

You used to showcase your collection at your own private gallery. But then you closed it and began exhibiting The Leiden Collection in public museums. Why did you make that decision?

That’s not quite right. When my wife Daphne and I opened the gallery, we decided from the start that all paintings would be available to museums. Quite often, our paintings would reach a museum before they even had a chance to hang on the walls of our gallery – that is, they would go on loan right from the dealer or the auction house where we bought it. I remember visiting the Getty Museum once and witnessing how people reacted to one of the works in our collection, *Boy in a Cape and Turban* by Jan Lievens. That moment is when I realized that the most appropriate thing we could do as collectors was to share the art with the broader public. At first, however, I didn’t want our name to be associated with collecting art and so we loaned the paintings anonymously.

Why?

We had no desire to be a part of the art world. We were public in campaigns regarding some of our greatest passions, mostly involving wildlife conservation. But we don’t believe that there is anything particularly noble in collecting art. I am not ashamed of being involved in it of course, but we simply did not want that kind of publicity.

So have you changed your mind?

The thing is, while collecting paintings by numerous artists – particularly Rembrandt and his students – we not only collect the canvases, but also the information and knowledge about the works and their creators. At some point, we had to make a choice: simply share the paintings with the public, or gather and organize all of the scholarship that we had accumulated in the process. Yet we came to accept that, if we were to choose the latter path, we inevitably would have to come out of the shadows. Our decision was that disseminating knowledge was ultimately far more important than preserving our anonymity. That way, we could pay proper respect to the artists that we so love by shedding light on their historical significance and enduring relevance. We proceeded to assemble a catalogue of our collection and to publish it on the Internet so that it could be freely accessed by all – students, teachers, curators, dealers, auction houses, and collectors. Our initial intention was to keep the catalogue online, and not to print it, as we were very keen on it being free of charge and readily available. Ironically, we now have not one but several printed versions of the catalogue. That is because each museum that the Collection has visited – The Louvre, the National Museum of China, the Long Museum – expressed an interest in producing one. The Pushkin Museum and the Louvre Abu Dhabi wanted to do the same. It turns out that people still buy and read printed catalogues. Well, if they like it, I don’t mind. On a separate note, we will showcase more works in Russia than in any other museums to date. We had 33 paintings on display at The Louvre, 74-78 in China, and 82 are here in Moscow.

Why did you decide to focus on Rembrandt and his school?

It's been my passion ever since childhood. The first place I visited in Europe was Amsterdam. I asked my parents to take me there because that's where Rembrandt had lived. Simply put, Rembrandt changed everything. He did away with classical norms and traditions, with what beauty as a concept was supposed to mean and what artists ought to strive for. In that, he entirely transformed the history of art. Van Gogh was obsessed with the Dutch master, and so was Delacroix. Turner held Rembrandt to be the greatest colorist of all times. Picasso was crazy about him, as was Francis Bacon... To this day, Rembrandt still influences artists. Paintings by him can be considered impressionist and even expressionist, hundreds of years before Monet. André Malraux once said that Rembrandt was the first artist who touched the soul. He was a revolutionary. Was it intentional? I believe he was simply true to himself. To me, Rembrandt is on the same level as Shakespeare, Dostoyevsky, or Einstein – individuals who redefined the boundaries of their time and of their national cultures, and eventually changed the course of history.

Has the concept of your collection changed over time?

It has developed in stages. The Collection started with the Leiden School – specifically with Rembrandt's first student, Gerrit Dou. We then proceeded to look into other students of the master, extending our interest to different cities in Holland starting with Amsterdam. This led us to collect paintings by artists from Delft, most famously represented by Johannes Vermeer, as well as by artists from the Utrecht School, including Gerard ter Borch. We began identifying connections between artists and appreciating how they might have influenced one another. From then on, the Collection kept on growing. The first work by Rembrandt that we acquired is the drawing of a lion, while Study of a Woman in a White Cap represents the first painting by the master in our collection. I was so excited to be able to buy it. If someone had told me, back when we began collecting, that so many of the works by Rembrandt in private hands today would be ours, I simply would never have believed it. 12 of these paintings will be on display in Russia. I believe that we were very lucky that these works happened to be privately held and that their owners agreed to part with them. Before we started our collection, the mere idea that a private individual could own a Rembrandt was totally foreign to me.

Why is it so important to you to actually own these works, if you send them to museums right away without even having had a chance to look at them?

I'm afraid that's the collector's passion. The realization that you just acquired a masterpiece – that you are somehow connected to the artist you love – truly is a special feeling. What a great joy! But an even greater joy for us is the ability to exhibit these paintings and, in a way, put them back into the public domain. We take them from private hands and place them out in the open for everyone to admire. For my wife and me, this encapsulates the true meaning of collecting. But I certainly will not judge other collectors; it's entirely up to them how they choose to treat their collections. Some people make money and want to invest in art. That's terrific if they do!

When you started your collection in the early 2000s, buying Old Masters was out of fashion. Has that changed?

Yes, it is my belief that the Old Masters are becoming fashionable again. People are increasingly realizing that these masterpieces constitute a truly significant part of art history. And indeed that they are extremely rare! There are only 400 paintings or so by Rembrandt in existence. For Andy

Warhol, the corresponding estimate of his works is closer to 70,000! Only one Vermeer is privately owned, and it belongs to us. The same is true for Carel Fabritius – Rembrandt’s magnificent student and an artist truly equal in talent to his teacher – whose sole painting still in private hands is the property of The Leiden Collection. Having said all that, there are people who happily will pay more for a Warhol than I paid for a Vermeer. And that’s fine, because one ought to buy what one likes. One can never go wrong this way. Sooner or later, we will all die. So better to enjoy what one likes while alive. When buying something with the intent of making money off of it, the possibility of loss always exists. I would never buy art as a commercial investment. Yet when one buys a masterpiece, a real part of civilization’s history, one will always do well.

Many people are afraid to buy old art because of forgeries. How do you mitigate that risk?

Actually I have heard more stories about forgeries of modern art than of Old Masters. Having said that, they certainly exist. Yet I don’t believe we ever bought a forgery. It has happened that paintings once attributed to a particular artist turned out to be the work of a different one. These things do occur, but the changes in attribution have most often tended to play in our favor. For instance, we have bought paintings attributed to students of Rembrandt that ended up being the works of the master himself. I believe that it is much easier to forge a 20th or 21st century work than a piece by the Old Masters. Most of these classical works have a long history, which is well-documented and well-studied. If one ever has a doubt about a painting, a multitude of experts exist – dealers, curators specialists at auction houses – that one can solicit in order to make the right decision. Modern art, by definition, has no provenance. I have been offered quite a few bad paintings, which were possibly forged, but they certainly looked like forgeries! And again, when I talk about forgeries, I am referring to works that were created hundreds of years ago but not by the artist whose name was assigned to them.

Who do you prefer to work with – auction houses or dealers?

I am more comfortable working with dealers. We often buy items at auctions, but even then I tend to work through dealers. The bidding process doesn’t interest me. I don’t care to know how much other people would be willing to pay for a particular painting. I see no affirmation in that. Only on certain occasions, when I want to feel the atmosphere in the room, I can call the dealer and listen to the bids. I only did that perhaps 3 or 4 times.

Do any rivalries exist between collectors of Old Masters?

There is some, generally speaking, but I find the world of the Old Masters to be much more gentlemanly than other art markets. From time to time, someone may come across a beautiful painting and say “You know, this particular work would be better suited for your collection. I like it but if you want it, I’ll step aside and let you pursue it.” I like this system very much. I am not a huge competitor and have no interest in rivalries. But if I really want something, you bet I will get it! (Laughs.)

How? What’s your secret for being so successful?

The main reason behind the success that my wife and I have had as collectors is the relationships that we have developed with the dealers and the auction houses. They call on us first, because they know that we decide quickly. We happen to be their biggest clients, but have never abused that status. I’ve always said: “Call me first – if I like it, I will tell you right away and transfer the funds the following week.” People realized rather rapidly that this was not a mere whim for us; that we in fact have a very sophisticated, thought-through concept for our collection. Friendships

were formed and with it came trust in one another. Except for one or two cases, the best business relationships I have ever enjoyed came from the art world. I have made some 250 art deals and I remember most of them with a sense of pleasure. It's quite unusual for any business.

Have you ever bought a painting without seeing it first?

Yes, on several occasions. I would familiarize myself with their provenance and always ask someone I trust to go and see them in person to make sure that they are in good condition and properly represented in the catalogue. I have bought several paintings that I only saw on slides. Only at the very beginning did I buy paintings that looked ridiculous in reality, even though they looked great in an auction catalogue. It happened simply because I failed to see them myself or ask someone to check them out on my behalf. They also happened to be quite cheap...which should have been a clue that I was about to make a mistake!

How do you envision the future of your collection?

My current focus is to exhibit the Collection in Russia, and then in Abu Dhabi. I don't have any particular plans beyond that. I am only 55 years old and my wife Daphne is even younger. We have plenty of time ahead of us to continue thinking about our mission.

~

The exhibition "The Age of Rembrandt and Vermeer: Masterpieces of The Leiden Collection" will be held at The Pushkin State Museum of Fine Arts from 28 March until 22 July 2018, and at The State Hermitage Museum from 4 September 2018 until 13 January 2019.